
ПЕПЕЛ
НА СТЕКЛЕ
Вспомнить всё, чтобы разрушить идеальный мир
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
АННА СЕВЕР

Анна Север

Пепел на стекле

«Автор»
2026

Север А.

Пепел на стекле / А. Север — «Автор», 2026

Первая часть трилогии остросюжетного психологического романа.Двенадцать лет назад ледяная река забрала у Савела всё: дом, друзей и собственное имя. Теперь он — Дмитрий Воронцов, успешный топ-менеджер и наследник многомиллиардной империи, возвышающейся над Москвой в стеклянных башнях Сити.Его жизнь идеальна, просчитана до секунд и абсолютно стерильна. Но однажды в кармане дорогого костюма оказывается старая латунная гайка, а память начинает пробивать броню амнезии. Прошлое возвращается холодной волной, заставляя вспомнить то, что пытались стереть навсегда.Но можно ли выжить в мире, где твой «отец» оказывается архитектором твоей тюрьмы, а женщина, в которую ты влюблен, ведет собственную игру?Остросюжетный психологический роман о борьбе памяти и власти, где за фасадом успеха скрывается пепел

© Север А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел на Клязьме 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Пепел на стекле

Пролог. Пепел на Клязьме

1

К вечеру майский дождь наконец выдохся, оставив после себя тяжёлый, влажный запах прелой хвои, сырого песка и цветущей где-то в оврагах черёмухи. Асфальт на старом шоссе подсыхал неравномерно — тёмные маслянистые пятна луж по краям полотна зеркально отражали белесое, вылинявшее к сумеркам небо.

Серый интернатский «Соболь» с облупившейся по борту надписью «Вымпел» шёл ровно, натужно подвывая коробкой передач на подъёмах. В салоне пахло старым дерматином, дорожной пылью и крепким чаем из жестяного термоса, который тётя Клава сунула Заречному перед самым отъездом.

Максим сидел на заднем ряду, уперевшись лбом в прохладное боковое стекло. Ему было невыносимо тесно. В пятнадцать лет тело росло рывками, мышцы наливались тяжестью быстрее, чем привыкали к ней связки, и сидеть неподвижно дольше десяти минут для него было настоящей пыткой. Он то скрещивал длинные ноги в стоптанных кроссовках, то вытягивал их в проход, задевая ящик с инструментом, то начинал механически тереть колено, обтянутое застиранной джинсой.

Рядом, у противоположного окна, сидел Андрей. Полная противоположность: спина прямая, руки спокойно сложены на коленях, подбородок чуть приподнят. Ни одного лишнего движения за два часа пути. Андрей смотрел на мелькающие за окном перелески с тем не по годам взрослым, неподвижным вниманием, от которого Максиму становилось только тревожнее.

— Андрюх, — не выдержал Максим, понизив голос, чтобы не отвлекать наставника. — Слышишь?

Андрей не повернул головы, только ресницы дрогнули.

— Слышу.

— У тебя часы на сколько спешат?

— Ни на сколько. Минута в минуту.

— Врёшь. Они на прошлой неделе на перекладине отставали, когда мы подтягивались.

— Я подвёл в среду, по радио в столовой, — так же ровно, почти без интонаций отозвался Андрей. — До поворота ещё километров шесть. Успокойся.

Максим шумно выдохнул через нос, откинулся на спинку сиденья и снова уставился в потолок, обтянутый серым потрескавшимся сукном.

Впереди, за рулём, молчал Заречный. Виктор Павлович вёл машину привычно, уверенно, держа баранку широкими ладонями с въевшимися в кожу следами старых ожогов и мазута. На нём была простая тёмно-синяя ветровка, из-под расстёгнутого ворота которой виднелся воротник байковой рубашки. Он не оборачивался на мальчишек, не делал замечаний Максиму за ёрзанье, но по тому, как наставник время от времени бросал короткий взгляд в зеркало заднего вида, Андрей понимал: Виктор Павлович натянут внутри, как корабельный трос перед штормом.

За последние три месяца Заречный постарел лет на пять. Нет, спина оставалась прямой, а шаг — тяжёлым и пружинистым, но в коротко стриженных волосах на висках пробилась плотная, сухая седина, а вокруг глаз залегли глубокие тени человека, который забыл, каково это — спать не просыпаясь от малейшего скрипа половиц.

Февральская трагедия на старой лесопилке у реки выбила из-под интерната опору. Тот обвал, когда многотонные брёвна сорвались с ледяного откоса, до сих пор снился Алёшке через

ночь: треск сухого дерева, глухой удар о промёрзшую землю, ледяная крошка в лицо и страшная, противоестественная тишина после. А потом — пустота.

Больничные палаты во Владимире, куда Заречного не пустили дальше приёмного покоя, крепкие парни в одинаковых кожаных куртках у дверей реанимации, короткие бумажки с печатями частных клиник и вежливые, пустые глаза чиновников из опеки.

Дениса забрали под предлогом срочной санитарной эвакуации в Москву. «Тяжёлая открытая черепно-мозговая, субдуральная гематома, мальчику нужны технологии института Бурденко, которых в области нет». Всё законно, всё с подписями. А через две недели в интернат пришёл официальный отказ в посещении: пациент находится на закрытой реабилитации под персональной опекой благотворительного фонда Воронцова.

Заречный не кричал и не бил кулаками по столам в департаменте. Он начал копать. Тихо, въедливо, поднимая старые армейские связи, выискивая тех, кто помнил его по гарнизонам, по службе, по давним делам девяностых. И только три дня назад в интернате раздался вечерний звонок на старый проводной аппарат. Разговор длился меньше двух минут. Заречный слушал молча, лишь коротко ответил: «Понял. Спасибо, Сергеич. Буду должен».

А утром собрал Андрея и Максима.

— Он сегодня будет на даче под Барвихой, — негромко проговорил Максим, словно проверяя, не рассыплется ли эта фраза от звука собственного голоса. — Так тот человек сказал?

— Максим, помолчи немного, — мягко, но веско сказал Заречный, не отрывая взгляда от дороги. — Мы повторяли это трижды перед выездом. Силы побереги.

— Да какие силы, Виктор Палыч! — парень подался вперёд, вцепившись пальцами в спинку водительского кресла. — Мы просто подъедем, перегородим дорогу и всё ему скажем! Он же увидит нас! Он выйдет, сядет к нам назад, и мы уедем домой. Калитку починим, к реке спустимся… Лёха там с ума сходит, он всю ночь над этой деревяшкой сидел, пальцы себе изрезал!

Андрей медленно повернул голову к Максиму. В его серых глазах мелькнула острая, колючая боль.

— Ты думаешь, его там на цепи держат, дурак? — тихо спросил Андрей. — Ты думаешь, он сидит у окна и плачет? Ему операцию делали на мозге, кость пилили. Он три недели в коме лежал. Ты хоть понимаешь, что это такое?

— Понимаю! — огрызнулся Максим, но пальцы на спинке кресла разжал. — Я всё понимаю. Но он — Савел. Он нас не может не узнать. Никакая операция это не вырежет. Мы же… мы же одной кружкой чай пили, Андрюх. Ты помнишь, как он в столовой сахар в газетку прятал? Помнишь?

Андрей ничего не ответил. Он снова отвернулся к окну, но Максим успел заметить, как сжались его челюсти, обозначив под кожей острые желваки.

— Никаких перегораживаний дороги, — спокойно сказал Заречный, переключая рычаг на третью передачу. «Соболь» свернул с шоссе на узкую асфальтированную ветку, ведущую сквозь сосновый бор в сторону коттеджных посёлков. — Мы не бандиты и не похитители. Мы не знаем, в каком он состоянии. Если машина пойдёт на скорости — я просто подниму руку у поворота. Они сбавят ход перед мостом, там узкое место и ремонт насыпи. Воронцовский водитель притормозит. А дальше — всё зависит от того, кто будет рядом с мальчиком.

— А если они не остановятся? — спросил Максим.

— Остановятся, — глухо отозвался Заречный. — Я знаю Воронцова тридцать лет. Он не из тех, кто прячется в канаве. Если он в машине — он остановится хотя бы для того, чтобы посмотреть мне в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.